

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составить этот труд меня побудила любовь к людям и к истине. Пусть только они узнают себя, пусть они приобретут ясные идеи о нравственности — и они станут счастливыми и добродетельными.

Намерения мои не могут внушать сомнений. Если бы я выпустил эту книгу при жизни, то я подвергся бы преследованиям и не приобрел бы ни богатств, ни новых званий.

Я не отказываюсь от принципов, установленных мною в книге «Об уме»: они одни кажутся мне разумными, они после издания моей книги были признаны всеми просвещенными людьми.

Эти принципы расширены и углублены в предлагаемом труде по сравнению с книгой «Об уме». Создание этого труда пробудило во мне ряд мыслей. Те, которые менее тесно связаны с исследуемыми мною вопросами, помещены в примечаниях, находящихся в конце каждого раздела. Я сохранил в тексте лишь те из них, которые могут либо пояснить его, либо ответить на те возражения, коих я не мог опровергнуть, не удлинняя и не затягивая хода изложения.

Особенно много этих примечаний во втором разделе, ибо излагаемые в нем принципы, будучи наиболее спорными, требовали собирания большего числа доказательств.

Предлагая этот труд читающей публике, я замечу, что какое-нибудь произведение кажется ей негодным

либо потому, что автор не дает себе необходимого труда, чтобы хорошо его написать, либо потому, что у него мало ума, либо, наконец, потому, что он нечестен с самим собой. В этом последнем отношении я ни в чем не могу упрекнуть себя. В настоящее время истину можно найти только в запрещенных книгах, в остальных — лгут. Большинство авторов ведут себя в своих сочинениях так, как светские люди за беседой: занятые только тем, чтобы нравиться, они мало заботятся о том, как достигнуть этого — ложью или истиной.

Всякий писатель, ищущий милости власть имущих и минутного признания, должен усвоить себе их взгляды. Он должен держаться господствующего мнения, не быть ни в чем самим собой, а во всем подчиняться воле других и писать, лишь следуя их мнению. Этим объясняется отсутствие оригинальности в большинстве сочинений. Оригинальные книги разбросаны там и сям в ночи времен, как солнца в пустынях мирового пространства, чтобы осветить его мрак. Эти книги составляют эпоху в истории человеческого духа и с помощью их принципов приходят к новым открытиям.

Я не стану восхвалять предлагаемый труд, но я уверяю читающую публику, что, оставаясь всегда честным с самим собой, я не сказал ничего такого, чего я не считал бы истинным, и не написал ничего такого, чего я не думал бы.

Возможно, что я отнесся еще слишком бережно к некоторым предрассудкам; я обращался с ними, как молодой человек со старой женщиной, по отношению к которой он не ведет себя ни грубо, ни льстиво. Дань своего первого уважения я принес только истине, и это уважение сообщит, несомненно, некоторую ценность моей книге. Любовь к истине — это наиболее благоприятное условие для нахождения ее.

Я старался излагать свои мысли ясно и, сочиняя этот труд, не искал милости вельмож. Если эта книга плоха, то, быть может, потому, что я *глуп*, но не потому,

что я *плут*. Немного найдется других авторов, которые могут сказать о себе то же самое.

Книга эта покажется смелой робким людям. В жизни каждого народа бывают такие моменты, когда слово *благоразумный* является синонимом слова *трус* и когда благонамеренным считают лишь раболопно написанное произведение.

Я хотел выпустить эту книгу под псевдонимом, и ее текст может заставить этому поверить. По моему мнению, это было единственным способом избежать преследований, не переставая быть полезным своим соотечественникам. Но за время, ушедшее на создание этого труда, бедствия моих сограждан и характер управления ими изменили мое намерение. Болезнь, для борьбы с которой я рассчитывал дать известное лекарство, стала неизлечимой. Я потерял надежду быть им полезным, и я откладываю издание этой книги на время после моей смерти.

Мое отечество подпало в конце концов под иго деспотизма, и отныне оно не будет уже порождать знаменитых писателей. Деспотизм обладает тем свойством, что он подавляет мысль в умах и добродетель в душах.

Этот народ уже не сумеет снова прославить имя французов. Эта опустившаяся нация есть теперь предмет презрения для всей Европы. Никакой спасительный кризис не вернет ей свободы. Она погибнет от истощения. Единственным средством против ее бедствий является ее завоевание, и только случай и обстоятельства могут решить, насколько действенно такое средство.

У каждого народа бывают такие моменты, когда граждане, не зная, чью сторону принять, и колеблясь между хорошим и дурным правительствами, испытывают жажду просвещения, когда умы, так сказать разрыхленные и подготовленные, представляют почву, легко впитывающую в себя росу истины. Пусть в такой момент появится хорошее произведение — оно сможет произвести благодатные реформы. Но достаточно

упустить этот момент, как граждане, сделавшись уже нечувствительными к зову славы, непреодолимо будут увлечены формой своего правления на путь невежества и отупения. Тогда умы представляют собой как бы затвердевшую почву. Вода истины падает на нее, течет по ней, но не оплодотворяет ее. Таково состояние Франции.

С каждым днем здесь все меньше будут придавать значения просвещению, ибо с каждым днем оно будет здесь становиться все менее полезным: оно будет просвещать французов относительно пагубности деспотизма, не доставляя им средств избавиться от него.

Говорят, что счастье, подобно наукам, странствует по земле. В настоящее время оно направляет свой бег к северу. Великие государи призывают туда все даровитое, а гении — счастье.

Нет теперь более разительного контраста, чем противоположность между югом и севером Европы: небо юга все более и более заволакивается туманами суеверия и азиатского деспотизма. Небо севера с каждым днем все более проясняется и очищается. Екатерина II, Фридрих желают стать любимцами человечества; они понимают цену истины; они побуждают говорить ее; они ценят также и усилия, предпринимаемые, чтобы ее открыть. Таким государям я посвящаю этот труд; они должны просветить мир.

Солнце юга гаснет, а северное сияние сверкает все более ярким светом. С севера исходят теперь лучи, проникающие даже в Австрию. В последней все готовится к великим переменам. Заботы императора, направленные на то, чтобы облегчить бремя налогов и дисциплинировать свои армии, доказывают, что он хочет приобрести любовь своих подданных, сделать их счастливыми внутри страны и внушающими к себе почтение извне. Его уважение к прусскому королю предвещало еще в ранней его юности то, кем он некогда станет. Уважают лишь себе подобных.

ГЛАВА I

О различных точках зрения, с которых можно рассматривать человека; о том влиянии, какое может оказать на него воспитание

Наука о человеке, взятая во всей своей широте, необъятна; изучение ее — дело долгое и трудное. Человек есть модель, выставленная для обозрения ее различными художниками: каждый рассматривает некоторые стороны ее, никто еще не охватил ее в целом.

Живописец и музыкант знают человека, но лишь в отношении действия красок и звуков на зрение и слух.

Корнель, Расин и Вольтер изучают человека, но лишь в отношении впечатлений, которые производят на него величественные, нежные, сострадательные, безумные и т. д. поступки.

Мольер и Лафонтен рассматривали людей с других точек зрения.

Когда философ изучает людей, его предмет есть их благо. Это благо зависит как от законов, при которых они живут, так и от воспитания, которое они получают.

Усовершенствование этих законов и этого воспитания предполагает предварительное знание сердца человеческого и ума, знание их различных действий, наконец, препятствий, стоящих на пути прогресса наук, нравственности, политики и воспитания.

Без знания этого — какими способами сделать людей лучшими и более счастливыми! Поэтому философ должен добраться до наиболее простого первоисточника их умственных способностей и их страстей. Только этот первоисточник может открыть ему степень совершенства, которой могут достигнуть их законы и образование, и обнаружить, каково могущество над ними воспитания.

В человеке я рассматривал ум, добродетель и дарование как продукт воспитания. Эта идея, изложенная в книге «Об уме», и сейчас кажется мне истинной,

но, может быть, она не была в ней достаточным образом доказана. Было признано, что воспитание имеет большее влияние на ум, на характер людей и народов, чем это думали; это все, в чем со мной согласились.

В предлагаемом труде я начну с рассмотрения этого взгляда. Чтобы воспитать человека, просветить его и сделать его счастливым, надо знать, к какому воспитанию и к какому счастью он способен.

Прежде чем заняться предметом по существу, я скажу несколько слов:

1. О важном значении этого вопроса.
2. О ложной науке, которой продолжают еще давать название воспитания.
3. О сухости этого предмета и о трудностях в его рассмотрении.

ГЛАВА II

О важном значении этого вопроса

Если верно то, что таланты и добродетели какого-нибудь народа обеспечивают его могущество и счастье, то нет вопроса более важного, чем нижеследующий:

Следствием чего являются таланты и добродетели каждого индивида — его организации или полученного им образования?

Я придерживаюсь этого последнего мнения и стараюсь доказать здесь то, что могло быть выдвинуто лишь в предварительной форме в книге «Об уме».

Если бы я доказал, что человек в действительности есть лишь продукт своего воспитания, то я, несомненно, открыл бы народам великую истину. Они знали бы тогда, что в их руках находится орудие их величия и их счастья и что для того, чтобы быть счастливыми и могущественными, им остается только усовершенствовать науку о воспитании.

Каким образом можно узнать, действительно ли человек является продуктом полученного им образова-

ния? Путем тщательного исследования данного вопроса. Даже если бы это исследование и не дало окончательного ответа, то все же его нужно было бы предпринимать: оно принесло бы пользу, побудив нас изучить самих себя.

Те, кто управляет людьми, часто не знают их. Между тем, чтобы управлять движениями человеческой куклы, надо знать нити, приводящие ее в движение. Поскольку этого не знают, неудивительно, что ее движения часто противоречат тому, чего ждет законодатель.

Произведение, в котором рассматривается человек, если даже в него и вкралось несколько ошибок, все же ценное произведение.

Как много света могло бы пролить знание человека на разные отрасли государственного управления!

Искусство наездника заключается в знании всего того, что он может заставить выполнить дрессируемое им животное, а искусство министра — в знании всего того, что он может заставить выполнить управляемые им народы.

Наука о человеке¹ составляет часть науки о государственном управлении. Министр должен прибавить к этому знание дел². Только тогда он может издавать хорошие законы.

Пусть философы проникают все дальше и дальше в глубины человеческого сердца, пусть они отыскивают здесь все принципы его движения, и пусть министр, пользуясь их открытиями, найдет им в зависимости от времени и обстоятельств удачное применение.

Если считать знание о человеке абсолютно необходимым для законодателя, то нет ничего более важного, чем исследование проблемы, которая его предполагает.

Если бы люди, лично равнодушные к этому вопросу, судили о нем лишь в связи с общественными интересами, то они поняли бы, что из всех препятствий к ус-

вершенствованию воспитания самым большим является взгляд на таланты и добродетели как на результат человеческой организации. Нет мнения, которое более благоприятствовало бы лености и небрежному отношению к своим обязанностям со стороны наставников. Если то, как мы устроены, почти целиком определяет то, кем мы являемся, на каком же основании можно упрекать учителя за невежество и тупость его учеников? Почему, скажет он, приписывать образованию грехи природы? Что можно ответить ему на это? Если признать некоторый принцип, то как отрицать непосредственно вытекающие из него следствия?

Наоборот, если будет доказано, что таланты и добродетели являются чем-то благоприобретенным, то мы этим пробудим рвение названного учителя и предотвратим его небрежное отношение к своим обязанностям. Он будет более тщательно подавлять пороки и совершенствовать добродетели своих учеников.

Ум, более пылко стремящийся к усовершенствованию средств воспитания, заметит, быть может, в множестве этих мелочей, требующих забот, которые ныне считаются бесполезными, скрытые зародыши наших пороков, наших добродетелей, наших талантов и нашей глупости. Кто знает, до чего сможет тогда ум довести свои открытия?!⁵ Одно достоверно, что в настоящее время мы не знаем истинных принципов воспитания и что до сих пор оно сводилось почти исключительно к изучению нескольких ложных наук, которым стоит предпочесть невежество.

ГЛАВА III

О ложной науке, или о благоприобретенном невежестве

Человек рождается невежественным; он не рождается глупым и не без труда даже становится таковым. Нужны особое умение и метод, чтобы сделать челове-

ка глупым и суметь заглушить в нем даже природные способности; нужно, чтобы воспитание забило нашу голову разными заблуждениями и чтобы усиленное чтение книг умножило число наших предрассудков.

Если глупость у цивилизованных народов — обычный удел людей, то это результат губительного образования; это объясняется тем, что люди у них воспитываются лжеучеными, что у них читают глупые книги. Среди книг, как и среди людей, можно попасть в хорошее и в дурное общество. Хорошая книга — это почти повсюду запрещенная книга⁴. Разум требует опубликования ее, но этому противится изуверство, оно желает править миром и заинтересовано поэтому в распространении глупости. Оно ставит себе целью сделать людей слепыми, заставляет их блуждать в лабиринте ложной науки. Менее опасно, когда человек невежествен. Невежество стоит посередине между истинным и ложным знанием. Невежда настолько же выше лжеученого, насколько он ниже умного человека. Изувер желает, чтобы люди дошли до нелепостей; он боится просвещения. Кому же поручает он задачу довести их до скотского состояния? Схоластам. Из всех сынов Адама эти — самые тупые и горделивые⁵. «Чистый схоласт (согласно Рабле) занимает между людьми место, которое между животными занимает тот, кто не возделывает земли, подобно волу, не носит на себе тяжести, подобно мулу, не лает на вора, подобно собаке, но кто, подобно обезьяне, грязнит все, ломает все, кусает прохожего и вредит всем».

Схоласт, богатый словами, слаб в рассуждениях. Поэтому он и воспитывает людей тупых в своей учености⁶ и горделиво-глупых. Я уже сказал, что существует два вида глупости: одна — природная, другая — благоприобретенная; одна — результат невежества, другая — результат воспитания.

Какой же из обоих этих видов невежества или глупости самый неизлечимый? Последний. Человек, ничего

не знающий, может еще научиться; надо только зажечь в нем желание этого. Но тот, кто обладает ложным знанием и постепенно потерял свой ум, воображая, что совершенствует его, слишком дорого заплатил за свою глупость, чтобы когда-нибудь от нее отказаться*.

Если ум обременен грузом ученого невежества, то он уже не воспаряет к истине. Он утратил стремление, увлекавшее его прежде к ней. Знание того, что он раньше знал, отчасти связано с забвением того, что он знает теперь. Чтобы вбить в его голову некоторое количество истин, из нее приходится часто выбить такое же количество заблуждений. Но удаление их требует времени, и когда оно наконец осуществляется, то уже слишком поздно стать зрелым человеком. Мы удивляемся тому, в каком раннем возрасте греки и римляне становились зрелыми людьми. Каких только талантов не обнаруживали они с юношеских лет! Когда в двадцать лет Александр приступил к завоеванию Востока, он был уже литературно образованным человеком и великим полководцем. В том же возрасте Сципион и Ганнибал строили грандиознейшие планы и осуществляли грандиознейшие начинания. Помпей, победитель в Европе, Азии и Африке, еще до зрелого возраста прославился на весь мир. Каким же образом эти греки и римляне, будучи одновременно писателями, ораторами, полководцами, государственными деятелями, могли занимать самые различные государственные посты, выполнять эти обязанности и часто даже слагать их с себя в таком возрасте, в котором в наше время ни один гражданин уже не в состоянии их выполнять? Неужели тогдашние люди отличались от теперешних? Неужели человеческая организация была тогда более совершенной? Ра-

* Один молодой художник, пользуясь негодными приемами своего учителя, нарисовал картину и показал ее Рафаэлю. «Что вы думаете об этой картине?» — спросил он его. «Что вы скоро кое-чему научились бы, — ответил Рафаэль, — если бы вы ничего не знали». (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания автора.)

зумеется, нет. Ведь известно, что современные народы превосходят древних в науках и искусстве мореплавания, в физике, в часовом деле, математике и т. д.

Следовательно, столь продолжительное превосходство древних в морали, политике и законодательстве должно считаться результатом их воспитания. Воспитание молодежи поручали тогда не схоластам, а философам. Задачей этих философов было воспитать героев и великих граждан. Слава ученика падала на учителя — это была его награда.

Задача воспитателя теперь иная. Заинтересован ли он в том, чтобы возвысить душу и ум своих учеников? Нисколько. Чего же желает он? Ослабить их характер, сделать из них суеверных людей, перешибить, если можно так выразиться, крылья их гения, заглушить в их уме всякое истинное знание⁷, а в их сердце всякую патристическую добродетель.

Золотой век схоластов был золотым веком невежества, мрак которого до Лютера и Кальвина покрывал всю землю. Тогда, как говорит один английский философ, суеверие управляло всеми народами. «Люди, превращенные, подобно Навуходоносору, в скотов и мулов, были скованы, взнузданы, нагружены огромными тяжестями, они стонали под бременем суеверия. Но наконец некоторые из мулов, встав на дыбы, сбросили сразу и ношу, и всадника».

Нельзя рассчитывать ни на какую перемену в деле воспитания, пока оно поручено схоластам. Наука, преподаваемая такими наставниками, будет всегда лишь наукой заблуждений, и древние будут сохранять в нравственности, политике и законодательстве превосходство над современниками благодаря не превосходству своей организации, но, как я уже сказал, превосходству своего воспитания.

Я показал всю бессодержательность ложных наук.

Я дал понять всю важность предлагаемого труда.

Мне остается кое-что сказать о сухости этого предмета.

ГЛАВА IV

О сухости этого предмета и о трудностях в его рассмотрении

Исследование поставленного мной вопроса требует тонкого и глубокого обсуждения. Но всякое обсуждение такого рода скучно.

Меня не удивит, если человек, являющийся подлинным другом человечества и привыкший уже к тому, чтобы напрягать свое внимание, прочтет эту книгу без отвращения. Его уважения, несомненно, было бы достаточно для меня, если бы, желая сделать этот труд полезным, я не поставил бы себе сначала задачу сделать чтение его приятным. Но какими цветами украсить изложение столь важного и столь серьезного вопроса? Я желал бы просветить обыкновенного среднего человека, а почти у всех народов такие люди неспособны к проявлению внимания. То, что требует от них прилежания, вызывает в них отвращение. Особенно часто встречаются люди этого рода во Франции.

Я провел 10 лет в Париже, тогда в нем не царил еще дух ханжества и фанатизма. Если верить молве, то теперь это господствующий во Франции дух. Что касается светских людей, то они становятся все более и более равнодушными к философским произведениям. Их ничто не интересует, кроме изображения чего-либо смешного⁸, это удовлетворяет их злорадство, не нарушая их ленивого покоя. Поэтому я отказываюсь от надежды понравиться им. Как бы я ни старался, я никогда не сумею сделать достаточно приятной столь сухую, столь серьезную материю.

Замечу, однако, что если судить о французах по их книгам, то либо это народ менее легкомысленный и пустой⁹, чем о нем это думают, либо дух его ученых резко отличается от духа нации. Идеи этих последних показались мне великими и возвышенными. Пусть же они пишут и будут уверены, что независимо от национального пристрастия они всюду найдут справедливых

ценителей их заслуг. Я рекомендую им только одно, а именно осмелиться иногда пренебрегать мнением какого-нибудь одного народа и помнить, что истинно широкий ум занимается проблемами, интересующими все народы.

Такого порядка и исследуемый мною вопрос. Я напомним принципы, изложенные в книге «Об уме», лишь для того, чтобы углубить их, изложить с новой точки зрения и извлечь из них новые выводы.

В геометрии всякая задача, еще не решенная точным образом, может быть предметом нового доказательства. То же самое имеет место в нравственности и политике.

Поэтому пусть не отказываются от исследования столь важного вопроса, ответ на который требует, впрочем, изложения еще ряда малоизвестных истин.

Является ли различие между умами следствием различия организации либо воспитания? — таков предмет моего исследования.

РАЗДЕЛ I

Воспитание различных людей по необходимости различно: оно, быть может, является причиной того умственного неравенства, которое до сих пор приписывалось неодинаковому совершенству органов

ГЛАВА I

**Нет двух людей, получающих
одно и то же воспитание**

Я продолжаю учиться, мое воспитание еще не закончено. Когда же оно закончится? Когда я не буду более способен к нему — после моей смерти. Вся моя жизнь есть, собственно говоря, лишь одно продолжительное воспитание.

Что нужно для того, чтобы два индивида получили в точности одно и то же воспитание? Чтобы они находились в точности в одном и том же положении, в одних и тех же условиях. Но подобное предположение неосуществимо. Очевидно, следовательно, что нет двух людей, получающих одно и то же воспитание.

Но нужно ли отодвигать окончание нашего воспитания к концу нашей жизни? Почему же не приурочить его ко времени, специально предназначенному для воспитания, т. е. к периоду детства и юности?

Я ограничу свое исследование именно этим промежутком времени. Я докажу также, что невозможно, чтобы два человека приобрели в точности одни и те же идеи.

ГЛАВА II

О том моменте, когда начинается воспитание

Свое первоначальное воспитание ребенок получает в то самое мгновение, когда он начинает двигаться и жить. Иногда еще во чреве матери он знакомится

с состоянием болезни и здоровья. Но вот мать произвела его на свет; ребенок беспокойно движется, издает крики: голод возбуждает его; он испытывает некую потребность, эта потребность заставляет его разжать губы, схватить и начать жадно сосать материнскую грудь. Проходит несколько месяцев, его глаза раскрываются, его органы крепнут, мало-помалу они становятся способными ко всем впечатлениям. Тогда раскрываются чувства зрения, слуха, вкуса, осязания, обоняния — словом, все врата его души. Тогда все предметы природы устремляются массой сюда и запечатлевают в его памяти бесконечное множество идей*.

В эти первые моменты жизни кто может быть истинным воспитателем детства? Различные испытываемые им ощущения. Все это — различные получаемые им наставления.

Двум детям дали одного и того же учителя; если их научили различать буквы, читать, цитировать наизусть катехизис и т. д., думают, будто тем самым им дали одно и то же воспитание. Философ судит об этом иначе. По его мнению, истинными воспитателями детства являются окружающие его предметы; этим воспитателям детство обязано почти всеми своими идеями.

ГЛАВА III

О воспитателях детства

Краткая история детства человека дает нам возможность познакомиться с последним. Едва только он увидит свет, как тысячи звуков поражают его уши, донося до его слуха лишь смутный шум. Множество тел открывается для его глаз, представляя ему лишь плохо очерченные предметы. Только незаметно ребенок научается слышать, видеть, обонять и исправлять заблуж-

* См. красноречивое и замечательное рассуждение Бюффона о человеке.

дения одного какого-нибудь чувства с помощью другого чувства*.

Получая всегда одни и те же ощущения от одних и тех же предметов, он приобретает о них воспоминания, тем более отчетливые, чем чаще повторяется воздействие предметов на него. Их воздействие следует рассматривать как самую важную часть его воспитания.

Между тем ребенок растет, он начинает ходить и ходит один. Тогда множество падений приучает его сохранять свое тело в равновесии и держаться на ногах. Чем болезненнее падение, тем оно поучительнее; он становится более ловким, внимательным и осторожным при ходьбе.

Ребенок окреп, он начинает бегать, он уже в состоянии перепрыгивать через маленькие канавки, пересекающие и орошающие насаждения его сада. Тогда после повторных попыток и падений он научается соразмерять свой разбег с шириной этих канавок.

Камешек оторвался от берега; ребенок видит, как этот камень опускается на дно, между тем как кусок дерева плавает на поверхности вод. В этот момент он приобретает первоначальную идею о тяжести.

Предположим, что он выудит из канавки этот камень и легкий кусок дерева; благодаря случаю или его неловкости оба они упадут ему на ноги. Неодинаковая степень боли, вызванной падением обоих тел, еще глубже запечатлеет в его памяти представление об их тяжести и их неодинаковой твердости.

Он бросит тот же камень в один из цветочных горшков или в одну из кадок с апельсиновыми деревьями,

* Чувства никогда не обманывают нас. Предметы производят на нас всегда то впечатление, которое они должны произвести. Квадратная башня кажется мне на известном расстоянии круглой. Это потому, что на этом расстоянии отраженные башней лучи должны сливаться и представить ее мне такой. Поэтому бывают случаи, когда реальная форма предметов может быть установлена лишь благодаря согласному свидетельству нескольких чувств.

помещенных вдоль этих канавок; тут он узнает, что некоторые тела ломаются от удара, который другие тела выдерживают.

Не найдется поэтому ни одного просвещенного человека, который не увидел бы во всех предметах наставников, коим поручено дело воспитания нашего детства*.

Но разве эти воспитатели не одни и те же для всех? Нет, случай не бывает в точности одним и тем же ни для кого; и если даже предположить, что двое детей обязаны своей ловкостью в ходьбе, беге и прыгании своим падениям, то все же, утверждаю я, невозможно, чтобы случай заставил их упасть точно одно и то же число раз, причем чтобы эти падения были одинаково болезненными, и тем самым дал им одно и то же воспитание.

Двое детей, перенесенные в равнину, лес, театр, собрание, наконец, в лавку, благодаря одному только своему физическому положению не смогут подвергаться воздействию одних и тех же предметов; следовательно, это не вызовет в них одних и тех же ощущений. Кроме того, сколь различное зрелище будет непрерывно представать перед глазами этих детей под влиянием повседневных происшествий!

Два брата путешествуют со своими родителями. Чтобы вернуться домой, им приходится пересечь длинные горные цепи. Старший следует за отцом по крутым и узким дорогам. Что же он видит перед собой? Природу во всех ее грозных проявлениях: вздымающиеся до облаков ледяные горы, нависшие над головой путника скалы, бездонные пропасти, наконец, вершины бесплодных утесов, с которых низвергаются со страш-

* Если я описываю так быстро различные этапы детства, то это потому, что я боюсь надоесть читателю. Что ему за дело до времени, какое требуется ребенку, чтобы пройти эти этапы? Достаточно, что он их проходит. Нет никакой необходимости, чтобы мое изложение было столь же продолжительным, как и детство человека.

ным шумом потоки. Младший брат последовал за матерью по более доступным дорогам, где природа предстает перед ним в более приветливом виде. Какие же предметы раскрываются его взорам? Повсюду холмы, покрытые виноградниками и плодовыми деревьями, повсюду долины с извивающимися в них ручьями, переплетающиеся рукава которых разделяют луга, где пасется скот.

Эти два брата проделали одно и то же путешествие, а увидели весьма различные картины, получили весьма различные впечатления. Но тысячи случайностей этого рода могут вызвать то же действие. Наша жизнь есть, так сказать, длинная цепь подобных случайностей. Поэтому никогда не нужно надеяться, что можно дать в точности одно и то же воспитание двум детям.

Но какое влияние на умы может оказать разница в воспитании, вызванная какой-нибудь ничтожной разницей в окружающих предметах? Как! Неужели еще неизвестно, какое различие во всем подходе к вещам и в способе суждения двух людей может вызвать небольшое количество различных идей в сочетании с теми идеями, которые у них одинаковы?

Допустим даже, что случай представляет двум людям всегда одни и те же предметы. Но представит ли он им их в момент, когда у них в точности одинаковое состояние души, когда, следовательно, эти предметы должны произвести на них одно и то же впечатление?

ГЛАВА IV

О различных впечатлениях, производимых на нас предметами

Бесспорен факт, что различные предметы вызывают в нас различные ощущения. Опыт показывает нам далее, что одни и те же предметы вызывают в нас различные впечатления в зависимости от момента, когда они воздействуют на нас. И может быть, этой разнице

во впечатлениях следует главным образом приписать различие и большое неравенство ума, наблюдаемое у людей, вскормленных в одной и той же стране, воспитанных в одних и тех же привычках и нравах, имевших, кроме того, перед глазами почти одни и те же предметы.

У души бывают моменты отдыха и покоя, когда ее поверхность не колеблется даже легчайшим дуновением страстей. Представляемые нам тогда случаями предметы иногда полностью приковывают к себе наше внимание; мы исследуем на досуге их различные стороны, и впечатление, произведенное ими на нашу память, тем более отчетливо и глубоко.

Случайности этого рода обычны, особенно в ранней юности. Ребенок провинился, и в наказание его запирают в его комнате. Он находится в ней один. Что ему делать? Он замечает на окне горшки с цветами; он срывает цветы, он рассматривает их краски, наблюдает их оттенки; его бездеятельность как бы обостряет у него чувство зрения. В этом случае с ребенком происходит то же, что и со слепым. Если обыкновенно у последнего чувство слуха и осязания тоньше, чем у других людей, то это потому, что его не отвлекает, подобно им, воздействие света на его глаза. Благодаря этому он более внимателен, более углублен в себя и, наконец, он, согласно замечанию Дидро, для замены недостающего ему чувства сильнее заинтересован в усовершенствовании имеющихся у него чувств.

Впечатление, производимое на нас предметами, зависит главным образом от момента воздействия на нас этих предметов. В приведенном выше примере внимание, которое ребенок, так сказать, вынужден уделить единственному находящимся перед его глазами предметам, заставляет его открыть в красках и формах цветов такие тонкие различия, которых не дал бы ему заметить рассеянный взор или поверхностный взгляд. Наказание или иная подобная случайность часто решает вопрос о склонностях молодого человека — делает из него живописца цветов, сообщает ему сперва некото-

рое знакомство с их красотой и затем любовь к такого рода картинам. Но каким только случайностям подобного рода не подвержено воспитание детства! И как можно вообразить, что оно может быть одинаковым для двух индивидов? А сколько, кроме того, других причин препятствует тому, чтобы дети получили в школе или в родительском доме одно и то же воспитание!

ГЛАВА V

О школьном воспитании

Думают, что дети получают одно и то же образование, когда они воспитываются в одних и тех же школах. Но в каком возрасте они поступают в них? В 7–8 лет. В этом возрасте их память уже полна представлений, которые, возникнув отчасти под влиянием случая, а отчасти будучи приобретены в родительском доме, зависят от положения, характера, состояния и богатства их родителей. Что же удивительного в том, что дети, вступив в школу с идеями часто столь различными, обнаруживают большее или меньшее усердие в занятиях, больший или меньший интерес к определенным наукам и уже приобретенные ими ранее идеи, соединяясь с теми, которые им, как и другим, сообщают в школах, сильно изменяют и искажают эти последние. Измененные таким образом идеи, заново сочетаясь друг с другом, должны часто приводить к неожиданным результатам. Этим объясняется то неравенство умов и то разнообразие вкусов, которые наблюдаются у учеников, воспитывающихся в одной и той же школе*.

Можно ли сказать то же самое о домашнем воспитании?

* Замечу, впрочем, что большей частью своего образования мы обязаны случаю, т. е. тому, чему не учат наставники. Ребенок, знания которого ограничивались бы истинами, которые он узнал от своей гувернантки или от своего воспитателя, и фактами, содержащимися в немногих книгах, которые прочитывают в школе, был бы, несомненно, самым глупым ребенком в мире.

ГЛАВА VI

О домашнем воспитании

Воспитание этого рода, несомненно, наиболее единообразное, наиболее одинаковое. Два брата, воспитывающиеся у родителей, имеют одного и того же наставника, видят перед глазами почти одни и те же предметы, читают одни и те же книги. По-видимому, только разница в возрасте должна вносить разницу в их воспитание. Можно захотеть окончательно уничтожить ее и предположить для этого, что оба брата близнецы. Но спрашивается: будет ли у них одна и та же кормилица? Скажут: а какое это имеет значение? Неужели можно сомневаться во влиянии характера кормилицы на характер вскармливаемого ею ребенка? Во всяком случае в Греции в этом не сомневались, в чем можно убедиться по тому, как там ценили лакедемонских кормилиц. Действительно, говорит Плутарх, если спартанец, еще сосущий грудь, не кричит, если он недоступен страху и уже терпеливо переносит боль, то этим он обязан своей кормилице. Поэтому и во Франции, моем отечестве, выбор кормилицы не может быть безразличен, как он не был безразличен в Греции.

Но допустим, что одна и та же кормилица вскормила этих близнецов и воспитала их с одинаковой заботливостью. Но неужели можно думать, что, когда она передаст их родителям, отец и мать будут относиться с совершенно одинаковой степенью нежности к обоим детям и что предпочтение, оказываемое незаметно одному из них, не будет иметь никакого влияния на его воспитание? Но предположим даже, что отец и мать относятся к ним с одинаковой нежностью. Можно ли сказать то же самое об их домашних? Не будет ли воспитатель относиться к одному из них как к своему любимцу? И долго ли дружба, выказываемая к одному из детей, останется скрытой от другого? Неужели раздражительность или терпеливость учителя, мягкий или строгий характер его преподавания не оказывают на

них никакого действия? Наконец, неужели эти близнецы обладают одинаковым здоровьем?

Пусть оба будут первоначально с одинаковым успехом заниматься искусствами и науками. Но вот один будет задержан в развитии какой-нибудь болезнью и даст другому слишком обогнать себя, тогда учение опротивеет ему. Если ребенок утрачивает надежду отличиться, если он вынужден признать в какой-нибудь области известное число стоящих выше его лиц, то он теряет в этой области способность к труду и к живому вниманию. Даже страх наказания тогда бессилен. Этот страх прививает ребенку привычку к вниманию, заставляет его научиться читать и выполнять все то, что ему велят, но он не внушает ему жажды учения, которая одна только обеспечивает большие успехи.

Соревнование производит гениев, а желание прославиться порождает таланты. Умственные успехи у человека можно датировать с того момента, когда в нем пробуждается и развивается любовь к славе. Я всегда думал, что наука о воспитании есть, быть может, лишь наука о способах вызывать соревнование. Одно какое-нибудь слово зажигает или гасит его. Иногда достаточно похвалить тщательность, с какой ребенок исследовал какой-нибудь предмет, и его точный рассказ об этом, чтобы пробудить в нем то внимание, которому он окажется обязан впоследствии выдающимися качествами своего ума. Таким образом, воспитание, полученное в школе или в родительском доме, никогда не бывает одинаковым для двух индивидов.

Перейдем от воспитания, получаемого в детстве, к тому, которое получают в юношеские годы. Не следует считать это исследование излишним. Это второе воспитание наиболее важно. У человека имеются тогда другие воспитатели, с которыми полезно познакомиться. Кроме того, в юношеские годы решается судьба наших призваний и талантов. Это второе воспитание, наименее единообразное и наиболее зависящее от случая, в то же время наиболее способно подтвердить истинность моего взгляда.